

Лю Сяо

МЕТАФОРИКА СТИХИЙ В "БЕОВУЛЬФЕ"

Настоящая статья посвящена метафорике стихий воды и огня в "Беовульфе" - англосаксонской эпической поэмы, действие которой происходит в Скандинавии в III-IV веках нашей эры. Хотя в тексте "Беовульфа" метафоры встречаются не так уж часто, там они всё же присутствуют, при этом в метафорике поэмы, бесспорно, лидирующую роль занимают метафоры, связанные со стихиями воды и огня.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/1-2/34.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 1 (43): в 2-х ч. Ч. II. С. 133-135. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/1-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 811.111

Филологические науки

Настоящая статья посвящена метафорике стихий воды и огня в «Беовульфе» – англосаксонской эпической поэмы, действие которой происходит в Скандинавии в III-IV веках нашей эры. Хотя в тексте «Беовульфа» метафоры встречаются не так уж часто, там они всё же присутствуют, при этом в метафорике поэмы, бесспорно, лидирующую роль занимают метафоры, связанные со стихиями воды и огня.

Ключевые слова и фразы: Беовульф; метафора; метафорика воды; метафорика огня; эпическая поэма.

Лю Сяо*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова**transliftion@gmail.com***МЕТАФОРИКА СТИХИЙ В «БЕОВУЛЬФЕ»[©]**

В большинстве посвященных «Беовульфу» исследований рассматриваются, как правило, собственно литературоведческие аспекты.

Принято считать, что метафоры в «Беовульфе» отсутствуют [1, с. 633]. Тем не менее, анализ материала может свидетельствовать об обратном. Среди работ, анализирующих содержащиеся в «Беовульфе» метафоры, наиболее цитируемой является работа Эльвина А. Лее [10], в соответствии с которой «Беовульф» показывает нам два типа мироздания, символами одного из которых является золотой зал, пиршество, щедрость, верность и любовь, тогда как символами другого – мрак и скрывающиеся в этом мраке кровожадные монстры. Беовульф предстает как второй Адам, вышедший на бой за тех, кто попал в лапы к монстрам. Следует отметить и исследование Хью Магениса [11], в котором сияющая золотом чаша символизирует героическое поведение. Символизм образов чаши и напитка восходит к библейской и патристической традициям. Чаша может символизировать как божественную награду, так и испытание. Связь метафор «Беовульфа» с религиозными и библейскими мотивами отмечается и другими авторами.

Материалом для настоящего исследования послужил текст англосаксонской эпической поэмы «Беовульф», изданный в 2005 году в рамках проекта *Gutenberg EBook*. Речь идет о переводе на современный английский язык со стилизацией под старину. При этом, впрочем, содержащиеся в оригинальном тексте метафоры были сохранены, что делает использование данного текста поэмы для анализа метафорики «Беовульфа» возможным. Русский текст «Беовульфа» мы приводим по классическому переводу В. Тихомирова, опубликованному в серии «Библиотека всемирной литературы» [1].

В нашем понимании метафоры мы исходили как из ставшей классикой концепции Дж. Лакоффа и М. Джонсона [9], так и из российских исследований по данной проблематике (см. [5; 6; 7; 8]).

Воспользовавшись разработанной в [12] классификацией соотношений понятия, образа и сущности применительно к материалу «Беовульфа», мы попытаемся дополнить эту классификацию, приняв во внимание некоторые дополнительные параметры.

Мы склонны полагать, что в метафорике «Беовульфа», бесспорно, лидирующую роль занимают метафоры, связанные со стихиями, которые представляется возможным сгруппировать следующим образом.

1. Волнующаяся вода и человеческие эмоции.

В Норвегии III-IV вв. н.э. – во времена Беовульфа – море манило и завораживало. Сейчас избежать гнева морской стихии рыбакам помогает прогноз погоды, при тогдашних же технологиях оставалось только поклоняться богине моря и умолять её о благосклонности.

Потоки неистовых волн – это выражение гнева богини моря, а слова и фразы, описывающие эмоции человека, переплетаются с выражениями, показывающими неспокойное море. Основываясь на концепции Лакоффа и Джонсона, метафорический перенос между двумя областями может быть описан двояко. «ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ» может быть источником, а «МОРЕ» – целью переноса. Море превращается в живое человеческое существо, способное ощущать гнев и боль. Например, водоворот ярится, водные потоки кровоточат. В то самое же время метафорический перенос может происходить и в обратном направлении, когда источником становится «МОРЕ», целью переноса – «ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ», и тогда бурлит человеческий гнев. Подобная двунаправленность метафорического переноса обычна в поэме, ср.:

(1) *The angry eddy was everywhere mingled* [1, с. 203]. /

Борется с бурей, вихрям улечься.

(2) *And seething with gore, welling with sword-blood* [Там же, с. 370]. /

Он страшного дракона убил своим мечом, В крови его омылся и весь ороговел.

(3) *The water 'neath welkin weltered with gore* [Там же, с. 96]. /

А ниже — волны, кипящие кровью.

В первом предложении значения гнева и водоворота переплетаются, мы можем воспринимать водоворот как разгневавшееся человеческое существо, это также помогает ассоциировать драматическое движение водоворота с выражением гнева. Метафорическая связь оживляет это предложение и позволяет нам воспринимать эту сцену с различных сторон. Тот же принцип применим и ко второму и третьему предложениям, только последние оказываются ещё более динамичными, метафорический образ основан на неистовом движении океана.

2. Натиск воды и война.

Большое количество быстро текущей воды используется как метафорический образ войны. Метафора основана здесь на сходстве между ними; разрушительная сила, отрицательное воздействие, возможная смертность. Современникам Беовульфа природа казалась таинственной и опасной, природные бедствия, как и война, могут нанести огромный ущерб. Жителям побережья угрожало наводнение, а морякам – шторм. Поэтому и то, и другое метафорически соотносится в метафорике «Беовульфа» с войной:

(1) *Fated and flying, to the flood of the nickers* [Там же, с. 163]. /

Не властен он больше летать ночами, червь огнекрылый, гад, стерегший свои богатства.

(2) *War-storms requited, that none e'er condemneth* [Там же, с. 262]. /

Их застигла в море страшная буря.

(3) *The battle-waves burning: from his bosom departed* [Там же, с. 156]. /

И кровь потоком на грудь излилась!

(4) *Sorrow should suffer, sink in the battle* [Там же, с. 501]. /

Забуть печаль и горе тебе давно пора.

В описании шторма в изображаемой сцене мы можем услышать и ржание лошадей, и лязг оружия, и ярость битвы, и боль утраты.

3. Темная вода и смерть.

Как уже упоминалось ранее, скандинавы являются опытными моряками, однако и они могут испытывать страх перед морской бездной. Темные воды океана метафорически связаны со смертью и пожирающими людей чудовищами, ср.:

(1) *By day and by night, until death with its billows Dashed on his spirit* [Там же, с. 136]. / Так в одиночестве и днем и ночью, живой, он оплакивал племя стгнувшее, покида в сердце его не хлынула смерть потоком.

(2) *From a distance shall drive o'er the darkness of waters* [Там же, с. 540]. / Бойцы остановились, и тут из темноты Сверкнули им навстречу блестящие щиты.

(3) *The wave-current swallowed the doughty-in-battle* [Там же, с. 476]. / Погиб бесстрашный Зигфрид, пример всем удалцам.

(4) *The sea-wolf bare then, when bottomward came she* [Там же, с. 188]... / Век бурь и волков до гибели мира...

(5) *Flood-beasts no few with fierce-biting tusks did* [Там же, с. 100]. / Морские чудовища, клыками лязгая, грызли железо.

В первом предложении смерть приобретает конкретную форму воды, его свирепым валом, что может разрушить дух человека. Во втором контексте другая характеристика смерти ассоциируется с морем, темная сторона, смерть всегда носит темный цвет, и это подразумевает боязнь смерти. Четвертое и пятое предложения сравнивают море с пожирающим людей чудовищем.

4. Вода и огонь.

Как хорошо известно, человек научился пользоваться огнём не сразу, тогда как вода существовала с всегда. Вода – это не только источник жизни, она также гарантирует выживание цивилизации. Поэтому логично было бы предположить, что вода более привычна, чем огонь, и может быть источником огня в какой-либо метафоре. Принято полагать, что вода и огонь совершенно противоположны, и ничего общего не имеют друг с другом. В действительности, движение волн можно сравнить с описанием танцующего огня, крупное наводнение может быть наглядной демонстрацией большого костра. Приведем несколько примеров:

(1) *A fire-flood may see* [Там же, с. 149]. / Вскоре увидел в скалах жерло, откуда потоком жарким огонь изливался, путь преграждая в недра кургана.

(2) *Men that were hated, with hot-gleaming fire-waves* [Там же, с. 292]. / Ненавистна ты всем! Ты виновна в смерти героев! Злой судьбы волнами гонимая.

(3) *With blaze-billows burned the board to its edges* [Там же, с. 284]. / На горе он увидел яркий свет, как будто горел огонь, и зарево стояло до самого неба.

В приведенных выше примерах наводнение, волны и вал используются для описания формы, движения и масштаба огня. Использование воды в качестве области источника также иллюстрирует, что скандинавы хорошо знакомы с водой. Это знакомство делает возможным образование метафоры, связанной одновременно и с водой, и с огнём. При этом доминирование метафоры воды в «Беовульфе» вполне закономерно, если мы учтем что само существование скандинавов раннего Средневековья всецело зависело от моря.

Представляется продуктивным рассмотрение существующей в англоязычной традиции использования метафоры стихий с опорой на корпусные данные [3], тем более что современное развитие компьютерных технологий это позволяет (см.: [2]). При этом речь идет не только о возможности надежно установить особенности функционирования ранее недостаточно документированных явлениях языковой периферии, как, например, в [4]. Обращение к корпусу позволяет придать двумерному грамматическому описанию объем за счет введения третьего измерения – статистической характеристики описываемого.

Список литературы

1. **Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах.** М.: Художественная литература, 1975. 677 с.
2. **Изотов А. И.** Американская культура в зеркале национального корпуса чешского языка: литература, мифология, фольклор. М.: Азбуковник, 2010. 200 с.
3. **Изотов А. И.** Корпусная революция: от «искусства» к «науке» // Филологические науки: Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 4-1. С. 68-71.

4. **Изотов А. И.** Опыт корпусного анализа чешских директивных и директивно-комиссивных перформативных глаголов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2012. № 3. С. 99-107.
5. **Изотова А. А.** Аллегории и метафоры в романе В. Вульф «Волны» // Язык, сознание, коммуникация. 2011. № 43. С. 64-72.
6. **Изотова А. А.** Аллюзивность художественного текста Аниты Брукнер // Вестник университета (Государственный университет управления). 2014. № 1. С. 239-242.
7. **Изотова А. А.** Метасемиотика описания в романе Айрис Мердок «Замок на песке» // Язык, сознание, коммуникация. 2001. № 16. С. 54-58.
8. **Изотова А. А.** Метасемиотическое звучание как часть авторского замысла в романе А. Мердок «Ученик философа» // Язык, сознание, коммуникация. 2012. № 44. С. 63-67.
9. **Lakoff G., Johnson M.** *Metaphors We Live By*. Chicago: University of Chicago Press, 2003. 276 p.
10. **Lee Alvin A.** Heort and the Guest-Hall of Eden: Symbolic Metaphor and the Design of Beowulf // *The Guest-Hall of Eden: Four Essays on the Design of Old English Poetry*. Yale: Yale University Press, 1972. P. 171-223.
11. **Magennis H.** The Cup as Symbol and Metaphor in Old English Literature // *Speculum*. 1985. Vol. 60. Iss. 03. P. 517-536.
12. **Stern J.** *Metaphor in Context*. Cambridge MA: MIT Press, 2000. 405 p.

METHAPHORICS OF ELEMENTS IN "BEOWULF"

Lyu Syaο

Lomonosov Moscow State University
transliftion@gmail.com

This article is devoted to the metaphors of the elements of water and fire in "Beowulf", the Anglo-Saxon epic poem, the action of which takes place in Scandinavia in the III-IV centuries A.D. Although in the text of "Beowulf" metaphors do not occur very often, they are still present there, and in the metaphors of the poem the metaphors associated with the elements of water and fire undoubtedly play the leading role.

Key words and phrases: "Beowulf"; metaphor; metaphors of water; metaphors of fire; epic poem.

УДК 821.16

Филологические науки

Автор обращается к исследованию вопроса присутствия разнообразных типов повествования в творчестве Н. С. Лескова. Несмотря на многочисленные исследования, тема остается актуальной. В данной работе рассматривается подход к этому вопросу с позиций традиций древнерусской литературы, возможного влияния литературы первой половины XIX века и влияния наследия романтиков, а также рассматривается связь с особенностями русского романа, тяготеющего к механизмам звучания и воздействия литургии.

Ключевые слова и фразы: жанр; многожанровость; жанровый синкретизм; тип повествования; речевая манера; ансамблевый принцип; литургическая эпопея.

Майдурова Юлия Александровна

Дальневосточный государственный гуманитарный университет
maidurova@list.ru

О ЖАНРОВОЙ СТРУКТУРЕ РОМАНА Н. С. ЛЕСКОВА «СОБОРЯНЕ»[©]

Как известно, в произведениях Лескова присутствует разнообразие типов повествования. Различные исследования показывают, что в творчестве писателя встречаются элементы жития, повести, бытового очерка, легенды и т.д. В этом плане показательны даже названия. Очень многие из его произведений имеют в качестве названий жанровые определения, которые дает сам автор: «фантастический рассказ» («Белый орел»), «общественная заметка» («Большие брани»), «семейная хроника» («Захудалый род»), «наблюдения, опыты и приключения» («Заячий ремиз»), «картинки с натуры» («Импровизаторы» и «Мелочи архиерейской жизни»), «легендарный случай» («Некрещеный поп»), «отрывки из юношеских воспоминаний» («Печерские антики»), «пейзаж и жанр» («Зимний день», «Полуношники»), «рапсодия» («Юдоль»), «рассказ чиновника особых поручений» («Язвительный»), «спиритический случай» («Дух госпожи Жанлис») и т.д. Не является исключением и роман-хроника «Соборяне», в котором также часто встречаются структурные признаки самых разных жанрово-повествовательных форм. Чем это обусловлено? Здесь можно говорить о различных причинах, возможно, это одна из особенностей творческой манеры Н. С. Лескова, а возможно, это результат различных влияний на его творчество. В данной статье мы рассмотрим несколько вариантов.

Отмечено, что динамический сюжет и обилие фактов, своеобразный «бытовизм» в повествовании заложены в самих художественных принципах Лескова и определяются той ролью, которую Лесков отводил рассказчику. «Сюжет и композиция его произведений сложно связаны с речевым самораскрытием рассказчика. Произведения построены как имитация живого повествования, по принципу от истории к истории или